

**Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Экономический факультет
Научный совет «Центр общественных наук МГУ»
Академия философии хозяйства**

МАТЕРИАЛЫ

**Международной научной конференции,
посвященной 75-летию экономического факультета МГУ**

***«Российское системное перестроение
как стратегическая неизбежность:
неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм»***

7–9 декабря 2016 г.

Москва – 2016

Содержание

Введение в конференцию (материал Ю.М. Осипова).....	3
Проект резолюции конференции.....	21

Ю.М. Осипов

**Российское системное перестроение
как неизбежная актуальность**

В 2009 г. Центр общественных наук при МГУ провел под эгидой Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Международную научную конференцию — Малый университетский форум на тему: «Российское перестроение: общество, политика, экономика», материалы которого, включая и итоговую резолюцию, были переданы от имени Совета Федерации высшему руководству страны (материалы конференции и статьи по ее итогам см.: [1 — 3; 7; 10 — 16]).

Нет, мы не можем сейчас сказать, что «воз, мол, и ныне там», что в стране ничего перестроенческого не происходит, как и в то же время не можем уверенно утверждать, что в стране развернулся активный перестроенческий процесс.

Дело в том, что форум выступил за решительный переход от *пореформенной* модели национального хозяйства к *постреформенной*, преодолевающей пороки первой из названных моделей и устремленной к суверенному и целостному (системному) развитию национального хозяйства.

Российское правительство предпочло «неторопливую полумерность», видимо, во-первых, не имея возможности эффективно оторваться от «опеки» глобализма и радикально переориентировать запущенную российской реформой модель (собственно, тоже имманентно глобалическую); во-вторых, предпочтя мягкий, как бы и эволюционный, переход от энерго-сырьевой экспортно-импортной к модели всестороннего развития; в-третьих, надеясь на некоторое самоизлечение пореформенной модели через перетекание капитала в новые или реанимируемые производительные сферы с некой «помощью» глобального капитала (внешние займы банков и корпораций, приход иностранного производительного капитала и т. п. «вещи»).

Что же вышло (или выходит) в итоге?

А случился, по-видимому, некий средний вариант: модель пореформенная не повержена, но зато весьма дополнена государственной (государственно-корпоративной) инициативой, нацеленной на решение ряда неотложных задач хозяйственного бытия по самому близкому, понятному и

непременному для большого государства критерию — *геостратегическому*, включающему и такие аспекты, как государственная (национальная, страновая) безопасность и национальный суверенитет.

Усилия правящих верхов были направлены прежде всего на возрождение и развитие оборонно-промышленного комплекса вкупе с возрождением, перестроением и переоснащением российской армии, а также на подъем некоторых значимых для государственной безопасности и национального суверенитета сегментов, вроде авиастроения, судостроения, автостроения, транспорта, связи, инфраструктуры, портового хозяйства, атомной энергетики, космической отрасли, аграрной сферы, а также модернизации и развития экспортных энерго-сырьевых отраслей.

Что касается банковско-финансовой сферы, то, не прибегая к большим радикальным переменам, правительство держит курс на оптимизацию банковско-финансовой системы, избавляясь от «жуликоватых» ее компонентов и втягивая, пусть и не широким фронтом, банковско-финансовых агентов в сферу производительного бизнеса.

Есть и действуют в стране государственные корпорации, возник сонм государственных проектов с их прямым и косвенным финансированием, имеют место строительство новых и модернизация старых предприятий с оснащением их современным (хайтековским) оборудованием, на экспорт идут не одни углеводороды, алмазы или та же древесина, но и продукция с высокой добавленной стоимостью, вовсе не только военная.

Да, хотелось бы большего, а именно, вполне бурного процветания всего национального хозяйства по примеру Китая, Южной Кореи или Сингапура, но приходится констатировать пока то, что есть — небурное и «непроцветное» развитие национального хозяйства, но все-таки... *развитие!*

Чтобы адекватно рассуждать о текущей российской хозяйственной реальности, надо бы принять во внимание несколько сопутствующих смысло-фактологических моментов.

Во-первых, революция (она же и антисоциалистическая контрреволюция) 1990-х совершалась не ради развития страны, а ради крушения СССР, сдачи России Западу (пусть по дивному варианту «интеграции» России в Запад) и ради частного, вполне и безудержного (отложенного, «изголодавшегося») присвоения накопленного и просто ресурсного странового богат-

ства; так что если сегодня развитие, то развитие все-таки *анти*-революционное... хоть и в условиях пореформенной, пусть уже и не такой, как ранее, откровенно грабительской, модели хозяйственного бытия.

Во-вторых, в суждениях о реальности как таковой нельзя полагаться лишь на открытые публике данные, ибо, помимо всем известной их фальсификации, многое, очень многое из реально существующего попросту в этих данных не отражается; любая «реальная» реальность всегда значительно «шире» той, которая обычно бывает публично демонстрируемой; так что реальное российское хозяйство вкупе с его экономикой вовсе не то же самое, что легально всюду экспонируется; судить о такой реальности через призму показательных данных примерно то же самое, что судить о научной ценности ученых работ и самих ученых по выдуманным кем-то затейливым и весьма ложным рейтингам.

В-третьих, важнейшие проекты, программы и решения вовсе не обязательно публично афишируются, что означает достаточно конспиративный характер национального государственно-корпоративного хозяйствования, — и это совершенно нормально; есть теневой сегмент, есть просто не учитываемый сегмент, а есть сегмент, сознательно «замалчиваемый»; отсюда о деятельности правящих кругов и ее результатах судить по справочным картинкам более чем опрометчиво; сегодняшней «Госплан» вовсе не на Моховой улице г. Москвы, как было когда-то в СССР, а на Знаменке да Фрунзенской набережной, если не на Лубянке.

В-четвертых, надо учитывать, что современная экономика полна разных фиктивно-финансовых чудес, непроизводительных перераспределительных манипуляций, необыкновенных «муляжей», «миражей», «воздушных шариков»; так что судить о состоянии и достижениях экономики и хозяйства в целом по тем же официальным объемам ВВП, темпам его роста, даже и по размерам занятости вряд ли вполне реалистично; главное здесь — качество и состав реального производства, как и качество и уровень самой жизни в той или иной стране, включая и Россию; всего лишь такие факты, как тотальная суперавтомобилизация или та же тотальная компьютеризация, «мобильнизация» и интернетизация страны, говорят о многом.

В-пятых, полезно принять во внимание и тот факт, что развитие предполагает не только вложения в него капиталов, техники и труда, но и наличие рынков сбыта для возникающего нового производства (предложения), причем в условиях общей открытости экономики и хозяйства внешнему

миру; отсюда острейшая проблема конкурентоспособности отечественной продукции, завоевания для нее своего же собственного рынка, как и выхода продукции за пределы страны; с наследием общей конкурентоспособности советского хозяйства и провала 1990-х весьма непросто выйти на необходимые конкурентные и спросовые параметры; отсюда и не слишком бурное и масштабное развитие, демонстрируемое нынешней Россией.

Итак: 1) не все так уж плохо в родных окамах — развитие в стране имеет место; 2) многое из совершаемого не бросается в глаза, происходит не слишком заметно, как бы и за пределами официальной экономографии; 3) правящие круги, ведомые геостратегическими мотивами, взялись за ту часть хозяйственного бытия, которая оказалась объективно важнее и реально исполнимее (значительно и закрытую — оберегаемую «от сглаза»); 4) собственно экономическая подсистема (финансовая, капитальная) остается пока в тугой сцепке с глобальным контекстом, а потому и не слишком вольной и национально ориентированной; 5) в России идет становление *новой России* как некой *малой России* в *большой России*, что явно неизбежно, вполне допустимо и стратегически совершенно оправданно.

Системное перестроение в постреформенном ключе остается на сегодня главной, вполне и фундаментальной, национальной задачей, тем более, что речь может сейчас идти не просто о развитии хозяйства в интересах нации, а о его *нео*-развитии, мало что современном, а и ухватывающем в качественном аспекте и выражении само будущее.

«*Нео*» — не просто новое, что понятно, не только на данный момент совершенное, что тоже понятно, а, что как раз и пока не слишком воспринимаемое самое важное — *другое*, весьма уже отличное по образу своему от всего предшествовавшего.

Заметим, что человечество так или иначе вступило (пусть Россия, к примеру, вступает) в новую историческую (возможно, что уже и внеисторическую) фазу (эпоху) бытия, когда стало непреложным фактом доминирование созданного человеком неприродного (искусственного) мира, и этот мир не только ежечасно о себе заявляет, превращая бытие человека в *иное* бытие, но и покушается уже на самого человека, требуя от него качественного себе соответствия, то бишь требует какого-то тоже *иного* человека, если не *иного* лишь человекообразного существа.

Нео-мир — нео-бытие — нео-человек!

О «нео» и его разносторонних проявлениях можно говорить и говорить, но мы сосредоточим здесь внимание на проблеме развития национального хозяйства России и необходимом в связи с этим его перестроении (качественной мутации, если угодно).

Вглядимся попристальнее в три кита социохозяйственной современности: *неоэкономику* (*неохозяйство*), *неоиндустриализацию* (*неопроизводство*) и *неодирижизм* (*неоуправление*).

России не избежать плаванья на сих трех китах, ежели она хочет быть не только современной, но и будущей страной, как и не избежать ей необходимого их — этих китов — под себя укрощения.

1. Неоэкономика*

Согласно философско-хозяйственному подходу, экономика есть особого рода хозяйство, ведущееся с участием, на основе и под эгидой *стоимости*, а на поверхности — *денег*, что позволяет говорить об экономике как об *оденеженном хозяйстве*. Отсюда экономика — хозяйство денег, с одной стороны, и опосредованное уже этим оденеженным хозяйством остальное хозяйство — с другой.

Неоэкономика прежде всего — хозяйство *нео-денег*, оторванных от ценностного носителя — золота — и предоставленных самим себе. Неоденьги — сами-себе-деньги, совершенно идеальные, субъективированные, виртуализированные, произвольные (нынешний доллар — наилучший этому пример).

В неоэкономике деньги не просто посредник в хозяйственном процессе, а в первую очередь его попечитель и господин. Финансы, а это есть не что иное, как работающие деньги, не просто обслуживают хозяйство, а всецело доминируют в нем: не финансы для хозяйства, а хозяйство для финансов, олицетворяемых прежде всего финансовым капиталом. Отсюда выходит, что неоэкономика в основе своей — *финансомика*.

Экономика вообще — социальное счетно-решающее мегаустройство; что касается неоэкономики, то это, будучи тоже социальным счетно-реша-

* В апреле 2016 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках Ломоносовских чтений — 2016 состоялось заседание секции лаборатории философии хозяйства на тему: «Неоэкономика как высшая форма экономики (осмысление в русле научной школы философии хозяйства)» (см.: [6; 9]).

ющим мегаустройством, оказывается тотально и решительно технизированным (компьютеризованным) и техноинформатизованным устройством, сравнимым с гигантским «мозгом». Неоэкономика — безусловно *когнитивная* (мозгоподобная) экономика. Молниеносная обработка тотальной информации и взгляд на экономику через информационное поле, сидящее в компьютерах, из них выскакивающее и вскакивающее в людские головы, полностью погруженное в это поле и его ни на миг не покидающее. Не информация в экономике, как было и бывает обычно, а экономика *под* информацией и в ее безраздельной власти — разница!

Как счетно-решающий «мозг», экономика, бытующая в реальных сознаниях (и мозгах) людей (ей просто негде больше быть со своей чисто идеальной стоимостью), — вне времени-пространства (как и сознание тоже). Но в реальности экономика, будучи распределенной по хозяйству и социуму, вынуждена сочетаться со временем-пространством, а потому и считаться с этим в своей текущей работе. Не то неоэкономика, которая, будучи оснащенной быстродействующими (мгновеннодействующими) техническими, информационными и коммуникационными средствами, работает практически уже независимо (или почти независимо) от времени-пространства, оказываясь невероятно мобильной, скорой, маневренной. Это важнейшая прерогатива неоэкономики — не просто «мозг» (как образ), а самый настоящий, гигантский и безграничный... э-э... *социотехнический мозг*, разумеется, в своей решающей сердцевине вполне *нематериальный*. Это, скорее, некое идеальное облако, энерго-информационное поле, чисто ноосферная компонента бытия.

Из вышевысказанного выходит, что неоэкономика будучи неограниченной и высокомобильной целостностью, теряет, в отличие от обычной экономики, такие свои характеристики, как механизм, организм, система, хотя в сфере неоэкономики, в ее составе, можно обнаружить и механизмы, и организмы, и системы, но всего лишь как локальные компоненты неоэкономики, а не как охватывающие ее в целом. Как целостность неоэкономику уместнее сравнить, наряду с «мозгом», еще и с «морем», «атмосферой», тем же гигантским «облаком».

Физио-техно-натуралистический подход совсем не годится для характеристики неоэкономики, которую в целом уже не загнать в механическое, органическое или системное представление, как и соответствующим образом не смоделировать.

Неоэкономика слишком уже *сама по себе*, слишком она эластична и вольна, слишком вообще неопределенна, чтобы подчиняться традиционным о ней научно-аналитическим представлениям: это уже *другой мир*, требующий и совершенно *иного* трактования, как и, разумеется, *иного* с ним делового обращения.

Освобожденная от давления и контроля со стороны золота, тотально виртуализированная, высокоподвижная, безграничная, прямо-таки «летучая», неоэкономика тяготеет не к порядку, еще и законно-обусловленному, а... нет, не к беспорядку как таковому, хотя это тоже есть, а... к созидательному (творящему) хаосу, находящему воспроизводственное воплощение не в порядке как таковом, а в *хаосмосе*, представляющем собою произвольно возникающий «порядок-беспорядок», не доходящий до космической законченности, а остающийся как бы посередине между хаосом и космосом.

Тут уже царство не закона и порядка, а беззакония и хаоса, еще и своеобразной «преисподней» неоэкономики — *субэкономического зазеркалья*.

Неоэкономика — сама-себе-экономика, *causa sui* (сама себе причина), которая существует и реализуется сначала для себя, потом для хозяйства и социума, а затем снова для себя — итогово (с доходом). И получается, что не экономика для хозяйства и в хозяйстве, хотя это и есть, а... хозяйство для экономики, под ней и под нее. Виртуальные, своевольные и вполне произвольные деньги, которые уже и не-совсем-деньги (некие квазиденьги), хоть и обслуживают они вроде бы живое житие, но лишь выворачивая его в свою сторону и в свою же пользу. Кто владеет деньгами (стоимостью), тот владеет экономикой, а соответственно и всем уже полуживым житием.

Неоэкономика — последнее слово экономики, ее высшее проявление, ее последний шанс, но при этом какая же она — неоэкономика — утонченная, изошренная, ловкая, хитроумная, путаная и паутинная, одним словом — экстра- и ультра-экономика, для которой нет в современном дискурсе даже достойного словесно-понятийного определения.

Неоэкономика — не рыночная вовсе экономика, а вполне себе... *сетевая* — *нето*-экономика, в которой не рынки решают, а сетевые «пауки» для сетевых же «мушек»; не на и не в рынок выходят и входят агенты, а в сети, — и попробуй там — в сети — отважно поконкурировать, повольничать, повыпендриваться... вне сети, вопреки «паукам» и «паучкам», без ведома «смотрящих», — будет тебе и «рынок», и «конкуренция», и «свобода», как и — разумеется... неминуемое банкротство. Радуйся, что ты — агент в

сети, довольствуйся этой удачей, не нарушай сетевого «устава» (прямо как в армии, монастыре, учреждении, только гораздо круче!), тогда и останешься, и будешь — до поры, может, и успех какой-нибудь тебя вокруг настигнет.

Неоэкономика иерархична, многоуровневая, пирамидальна, централизована и полицентрирована: в ней есть кому осознанно решать — сверху, кому осознанно служить — в середине, а кому и осознанно просто подчиняться — в низах.

Да, неоэкономика — поле разнообразной, высокоранговой, изощренной битвы, хотя и не рыночно-конкурентной в обычном понимании — меж самостоятельными агентами, составляющими-де «рынок», а как бы битвы вообще, неизвестно кем и как ведущейся, как бы атмосферной, мореподобной, плазменной. Битва тут как состояние, пребывание, бытие. Битва всех против всех, что не значит, что нет договоров, контрактов, согласий, консолидаций, объединений, альянсов, тех же «стрелок», «сходок», каких-то там «соборов». Все тут есть, кроме действительно что-то решающих «рынков». Рыночная экономика — вполне уже обесмысленный анахронизм. Неоэкономика — экономика тоже с рынками, конечно, но как лишь просто товарными рынками либо корректировочными (настроечными) деяниями-процессами; это вовсе уж не рыночная экономика — как вполне подотчетная рынкам экономика.

В неоэкономике любой экономический параметр может быть любым по величине, но при этом и не каким угодно (битва допускает многое, но, разумеется, не все — на то она и битва). Произвол на произвол дает меру, как и мера на меру тоже дает меру, и произвол никуда при этом не исчезает, а потому-то он как раз сам себе и мера... до встречи с другим произволом или же с неодолимой им другой мерой. Мера — из хаоса, но она же и обратно в хаос, что как раз и говорит о том, что неоэкономика — *сама себе мера*.

Неоэкономика — не просто новая экономика, ее очередная историческая форма, это уже экономика, отрицающая и... саму себя — как раз через свою внешнюю для себя технологизацию, в свою очередь, отрицающую социальность экономики, ее зависимость от социума и вообще от социального фундаментального начала.

Глобализация, характерная для неэкономике — не просто мировая масштабность с высокой внутримировой взаимозависимостью элементов, частей и процессов, а и отрыв виртуализированной экономики как от реальности вообще, так и от реальности собственно социальной. В этом-то отрыве и выражается самоотрицание экономики как собственно экономики, сопровождаемое ее превращением в *пост-экономику* (в ту же *техномику*).

Неэкономике — мир не просто цифр и чисел, а весьма отвлеченных от социо-натуро-хозяйственной реальности цифр и чисел, весьма уже предоставленных самим себе; неэкономическая реальность — реальность сначала собственно цифр и чисел, а потом уже собственно реальности, а потому неэкономике — *сама себе реальность*, как и *сама себе ирреальность* совершенно уже оцифренная, состоящая из цифр, навязывающая себя собственно реальности, ее заметно и замещающая.

Производительный процесс, как и любой другой реальный хозяйственный процесс, не прекращается при неэкономике, но значительно зависит от стоимостного счетно-ценностного потока и его цифровых показателей (от потока стоимостных цифр, их, этих показателей, взаиморасположения и динамики). Теперь не производство само по себе определяет стоимость и ее динамику, а стоимость, ее динамика определяют производство. Миллионы, миллиарды, триллионы... однако, чего? Да попросту голых цифр и весьма произвольных чисел, пусть и кем-то вроде бы довольно рассчитанных. Оцифрованное облако — не оцифрованная реальность, тут уж разные миры: мир цифр от цифр и мир цифр от реальности. Разумеется, есть соответствие между облачным и реальным мирами, но вполне подвижное соответствие, упорно восходящее к несоответствию.

Отсюда и *перманентная кризисность* неэкономике: облако и реальность не только не одно и то же, а великая разность и розность, бытующие хоть и во взаимодействии, но не вместе и не во взаимности.

Перманентная кризисность — необходимое ныне условие непрерывного поиска совместности и взаимности между облаком и реальностью, их воспроизводственного взаимосоответствия. Главное спасительное средство для неэкономике от собственного же краха — высочайшая производительность глобализированного производства, его невероятная избыточность, как и немислимая фиктивность (фальшивость), что позволяет цифрам и числам вольно гоняться по свету друг за другом в своем безудержном финансово-

оценочно-инвестиционном раже, не страшась какое-то время своего тотального банкротства.

Избыточное производство — всю избыточное и облако, а раз все тут избыточно, то и неэкономическая игра тоже вполне избыточна, правда, не игнорирующая, а постоянно подтверждающая финансово-кабальный принцип эксплуатации ирреальным облаком реального производства: никакого тебе производства без «резюлюции» облака, никакого реального хозяйства вне облакового вмешательства, никакого хозяйства без облаковой кабалы. Тут ведь хозяйство не человека как такового, не производства как такового, даже не хозяйства как такового, а именно... *облака*, правде, вполне вроде бы осознаниенного, и институционализированного, но все-таки облака — как накачанного донельзя духообразной стоимостной субстанцией гигантского пузыря, правда, вроде бы не мыльного, но... почему же и не мыльного?

2. Неоиндустриализм*

Неоиндустриализм — вовсе не так новый индустриализм, как качественно особый индустриализм, причем настолько особый, что как бы уже и не индустриализм, а именно *пост*-индустриализм.

Само понятие «индустриализм» ныне следует трактовать не как наличие в хозяйстве тяжело и громко выраженной техники, ее широкого производства и ее же неперемного участия в любом из культивируемых производств, а как присутствие в хозяйстве созданного человеком *искусственного производства с искусственной же производительной силой*. Теперь уже нельзя ограничиваться в понимании индустриализма машиной, фабрикой и железной дорогой, как и тем же электричеством, ибо ко всему этому прибавилось многое другое, чего к железу не сведешь и чьего ужасного скрежета не услышишь — радио, химия, электроника, микропроцессоры, биотехнологии, нанотехнологии, атомная энергетика, интернет и т. д. Тут вроде бы уже и не пахнет индустрией — белые халаты, стерильная чистота, умные приборы, однако и здесь тоже индустрия, но уже другая — не железная, не тяжкая, не грохочущая. Тут господствует, наряду с обычной индустрией и

* В апреле 2013 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках Ломоносовских чтений — 2013 состоялась секция, организованная лабораторией философии хозяйства, на тему «Неоиндустриализация как проективно регулируемый инновационный процесс» (см.: [5]).

как бы над ней, *нео*-индустрия, отличающаяся как раз чистотой, тишиной, даже и вкрадчивостью (см.: [8]).

Невозможно представить себе современное производство и само по себе нынешнее жизнеотправление без всякой чудо-техники и разнообразной чудо-технологии: умных машин; скрытых в недрах материалов и в «пустотах» мироздания процессов; мгновенной связи; скорых перемещений во времени и в пространстве; телевидения, интернета, невидимой навигации и многого другого, что превратило сказку в быль, изменило бытие, жизнь, хозяйство, экономику, сознание, вообще человека.

Неоиндустриализм породил новый мир — *нео*-мир, он же и высший *арт*-мир. Да и человек становится уже и новым человеком — более искусственным, технизированным, электронизированным. Чип — уже не проект, а реальность: дело в очереди теперь за *чипо*-веком, замещающим собою собственно человека.

Куда теперь человеку без умного и чудодейственного неоиндустриализма, как и той же *нео*-науки — не так уж исследовательской, как демиургической; куда без работающих технических систем, когнитивных технологий, технизированных социума, хозяйства, экономики, культуры. Что теперь человек без компьютера, информатики, программистики, интернета, «мобильника», умного автомобиля, искусственного спутника Земли, навигатора, а главное — что вообще человек без неоиндустриального искусственного мира и без необходимой с этим миром *нео*-органики?

Неоиндустриализм не только служит человеку, ему споспешествует, но и меняет человека, превращая в *нео*-человека, мало того — он, безусловно, уже владеет, пусть еще и не полностью, человеком, его сознанием, подвигая человека к превращению уже в *пост*-человека.

Неоиндустриализм — чудо о двух концах: с одной стороны, облегченное, комфортное, сытое, долготее для особи бытие, а с другой — технизация, чипизация, кибернизация человека, его сознания, превращение человека в *иное* человекообразное (даже и в чистого *человекообраза*).

Неоиндустриализации не избежать, но, увлекшись ею, можно и упустить самого по себе человека — *все-еще-человека*, хотя, возможно, и удастся перейти к какому-то сверх-человечеству, вполне уже, что совсем не исключено, и апокалиптическому).

Входит ли сие превращение (супермутация) в проект под кодовым названием «Человек» или нет — вопрос, который как раз и разрешит XXI в.

от Р. Х., столь стремительно *переменный* (не переменчивый, что понятно, а именно *переменный* — супермутационный).

3. Неодирижизм*

Дирижизм как понятие родился, судя по всему, во Франции (от фр. *diriger* — управлять) — как некая альтернатива одновременно кейсианству, фашистскому управлению капиталистической экономикой и сталинскому директивному планизму. Однако суть дела тут не в особенностях способов управления, а в самом *феномене управления* в сфере хозяйства и экономики: управление как управление присуще не только армии или тому же государственному аппарату, а и хозяйству с экономикой тоже. Иное дело, что, согласно определенной политэкономической догматике в национальном хозяйстве и в так называемой «прогнозной экономике», управления со стороны государства либо не должно быть вовсе, либо оно должно быть минимальным. Тут не «*dirigisme*» более потребен, а «*laissez faire*» («позвольте действовать»), что вроде бы и более соответствует основам свободного капиталистического хозяйствования (свободе частного бизнеса).

С крахом (отменой) советского социализма с роспуском СССР сталинский «планизм» был упразднен, и в реформируемой на «рыночно-экономических» началах Российской Федерации была запущена «рыночно-экономическая (капиталистическая) свобода». Занимаясь реформой и социохозяйственной перестройкой, государство как бы отмежевалось от непосредственного хозяйственного процесса, оставив под своим управлением лишь часть денежно-финансовой сферы и часть социального сегмента. Все остальное ушло под свободную частную инициативу. Если некий дирижизм и сохранился в РФ, то в очень урезанном виде. Его — дирижизма — как бы и не стало.

Но вот пришли 2000-е гг., была осуществлена полу- или квазидирижистская социо-хозяйственная стабилизация, а потому, уже к рубежу 2000-х и 2010-х гг., когда возникла потребность активизации социохозяйственного развития, а по сути — *перестроения* российских хозяйства и об-

* В феврале 2011 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялось заседание семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему «Неодирижизм как императив текущего момента». В апреле 2012 г. в рамках Ломоносовских чтений — 2012 состоялась секция лаборатории философии хозяйства «Обновление инновационного механизма: неолиберализм вкупе с неодирижизмом» (см.: [4]).

щества в сторону развития и суверенитета, во всю силу встал вопрос о необходимости и возможности запуска государственного (либо государственно-корпоративного) дирижизма, мотивированного, помимо достижения целей развития и суверенитета, переходом от пореформенной модели экономики к постреформенной, хотя это разделялось не столько властями и бизнесом, сколько частью научно-экспертного сообщества.

Само понятие «дирижизм» настолько пугает отечественный либеральный экономизм, что о нем российское руководство предпочитает не говорить, хотя и делает все возможное и даже невозможное, чтобы удерживать российское национальное хозяйство в русле с таким-де трудом и издержками добытой пореформенной (якобы «либеральной») модели. На практике экономический дирижизм в России есть, но, во-первых, как бы сугубо-де либеральный, а во-вторых, вполне на время и вынужденный, ибо дирижизм хозяйству с экономикой необходим, и от него российскому государственно-корпоративному комплексу никуда все равно не уйти.

Не видеть непрерывного, хотя и с разным знаком, дирижизма в российской и зарубежных (тех же западных) экономиках — ничего не понимать вообще в современной экономике, которая насколько свободна, настолько и управляемая, правда, не так всегда и везде государствами, как корпоративными агентами — не без участия все того же государства (один практический институционализм чего стоит!).

Дирижизм был, есть и будет; проблема сегодня не в его факте, а в реализации сего факта; разгосударствление хозяйства и экономики, предпринятое в России в 1990-х и далее годах, тоже ведь дирижизм, хотя нам более интересен дирижизм, работающий на подъем и развитие национального хозяйства, страновой экономики.

Интересен нам и новый образ дирижизма — *нео*-дирижизм, характерный уже для текущего момента. Что здесь означает сие пресловутое «нео»? Наверное, тоже какую-то качественную особенность феномена, делающую его отличительным от дирижизма вообще.

Но сначала о самом по себе управлении экономикой и в экономике, восходящем как раз и к дирижизму.

В самом феномене управления экономикой и в экономике нет ничего необычного: было, есть и будет! Весь вопрос в том, какое это управление, кем и как осуществляется, с какими результатами, а также какова мера того или иного управления — как количественная, так и качественная. Проблема

тут не в самом по себе факте управления или в его отсутствии, а именно в мере управления, ибо само по себе управление не только возможно, но и необходимо.

Сама идея свободы экономики от управления так или иначе от лукавого, ибо это не соответствует ни сути экономики, нуждающейся в управлении, ни реальной практике, наполненной всякими системами и методами управлениями.

Важно уяснить, что мера управления зависит, помимо его практической эффективности, от одного более глубокого обстоятельства, раскрываемого как противоположность управления; экономика ведь действительно должна быть в меру свободной и самоуправляющейся, а потому глубинной мерой управления является... *неуправление*, реализующееся либо через самоуправление возможного объекта управления, либо через общественную стихию.

Любое управление экономикой и в экономике реализуется в рамках соотношения между волевой организацией и как бы стихийной самоорганизацией, — там-то и обнаруживается потребная мера управления.

Можно управлять открыто, назойливо, директивно — почти как в армии, а можно управлять незаметно, негромко, поощрительно, даже и попустительно, но в том и другом случае именно управлять, добиваясь чего-то намеченного.

Неуправление — управление неэкономикой и в неэкономике, на базе и в условиях неоиндустриализма. То же самое можно сказать и о неодирижизме. Но что же тогда конкретно стоит за этим «нео» применительно к дирижизму?

На ум прежде всего приходят такие словечки, как гибкость, дискретность, мобильность, интенционность, побудительность, а также словосочетания типа создания среды, влияния на процессы, регулирования динамики параметров, ориентации поведения, — как раз те самые словечки и словосочетания, характерные для управленческих действий в условиях глобализированной, мобильной, суперсложной, значительно самоопределяющейся, заметно более хаосмосной, еще и перманентно кризисной, своевольной, неулавливаемой экономики — современной посмодерновой экономики.

Неодирижизм — управление... как бы *без управления*, наугад, во взаимодействии с общеэкономической стихией — вплоть до операций с хаосом и в хаосе, со вполне вероятностным результатом. Разумеется, это не значит,

что такой дирижизм не допускает «крутых мер» и директивных действий, но в целом же неодирижизм, будучи как бы внешним вмешательством в экономику, должен быть максимально... *экономическим*, то бишь ей — экономике — максимально споспешествующим, а не максимально противодействующим. А уж о замене экономической организации какой-то иной организацией типа «планового хозяйства» речи вообще быть не может.

Экономика на то и экономика, чтобы иметь *свою* организацию, в которой есть *свое* управление и которая допускает внешнюю организацию, однако вполне адекватную экономической, а сейчас уже и неэкономической, среде.

Предельная адекватность неэкономике и неоиндустриализму — главная характерная особенность неодирижизма.

* * *

Вернемся к проблеме российского системного перестроения, которое на практике уже идет, но, быть может, не слишком уверенно, споро и эффективно. Главное тут препятствие — маниакальная приверженность высшего правления пореформенной экономической модели. Отсюда и главное условие выхода на более эффективное перестроение — восприятие уже постреформенной модели, как раз и предполагающей наличие осознанного, трезвого и деятельного государственно-корпоративного дирижизма в его современной неодирижистской реализации.

Неодирижизм в матричном отображении

А. Остов

1. Концептуальность.

Куда без концепции практикуемого дирижизма, разве лишь в бездну, а потому потребна вполне практическая концепция российского дирижизма. К сказанному выше о неодирижизме необходимо добавить, пожалуй, следующее: российский дирижизм — дирижизм, знаете ли, *имперский*, что ни хорошо, ни плохо, а попросту что есть, отчего не надо отрицать ни имперского центра управления, ни консолидации национального хозяйственного пространства вокруг центра, ни центростремительной ориентации всей экономики страны, а на данный момент движения от пореформенной модели к постреформенной — феномена *мягкой мобилизации* страны, ее ресурсов и

сил, на перестроение и развитие, не ослабляя внимания к оборонно-производительному комплексу — *основному ядру перестроения и развития*.

2. Стратегирование.

Любой общенациональный, международный или даже глобальный дирижизм предполагает наличие стратегии — как относительно объекта управления, так и относительно субъекта управления. Стратегия — набор намеченных целей, предположенных намерений, решаемых задач, равным образом, и выбор средств и методов достижения всего заранее предусмотренного. Для неодирижизма приемлемее именно *стратегирование*, а не, скажем, стратегическое планирование. Изменчивая неопределенность современности требует не погашения ее через тот же тотальный «планизм», а адекватного к ней деятельского приспособления, позволяющего, варьируя всем и вся во времени и в пространстве, достигать не столько намертво поставленных, сколько пластично намеченных целей, однако вполне обоснованных и достаточно реализуемых. Стратегирование не только не исключает окружных перемен и собственного маневрирования, но оно их априори предполагает.

3. Структурные перемены.

В соответствии с избранными стратегическими целями — достижения целостного (гармоничного) национального хозяйства в условиях неэкономии и путем его неоидустриализации. Понятно, что потребен сход с энерго-сырьевой дороги с одновременным развитием высокотехнологического и наукоемкого производства. Отсюда особое внимание науке и образованию, вообще интеллектуализму. Немедленная подготовка и сознательное культивирование национальной творческой элиты и на нее опора.

4. Текущее регулирование.

Системная, комплексная, матричная «игра» с экономическими параметрами для обеспечения общехозяйственного воспроизводственного контура вкупе с переменами, обновлением и развитием.

5. Социальное обеспечение.

Преодоление чудовищного разрыва в доходах между разными слоями населения, ликвидация гигантских социальных неравенств; доступность для всего населения здравоохранения и образования, культуры и спорта; неизменная поддержка пенсионеров и бескорыстная помощь инвалидам.

6. Национальная безопасность.

Борьба с угрозами извне, предотвращение и преодоление любых разрушительных рисков. Поддержка и модернизация армии, ОПК, стратегических отраслей и производств, модернизация и развитие инфраструктуры, связи, транспорта. Борьба с коррупцией и бюрократизмом. Преодоление финансово-административного деспотизма, подавление его очагов.

7. Оптимизация природопользования.

Соответствующая деятельность по всему спектру острейших природоохранных, природопользовательских и экологических проблем.

8. Международная экономическая интеграция.

Развитие интеграции и повышение ее эффективности.

9. Оздоровление и оптимизация управления.

Преодоление административного произвола и реформаторского (менеджерального по преимуществу) безумия — *антименеджеральная контрреволюция!*

Б. Стрелы

1. Управление денежно-финансовой системой, или стоимостной, сферой.

Ничего нового по целям, однако в условиях открытой по преимуществу экономики. Экономическая конспирация (своеобразное зазеркалье) вместо откровенного протекционизма. Укрепление финансово-экономического центра.

2. Управление деловым климатом, или средой экономического обитания.

Благоприятствование деловой активности с селективным моментом.

3. Управление сознанием и поведением экономических агентов.

Национализация (патриотизация) сознания и «энтузиазмизация» хозяйственного поведения в угоду национальной эффективности и производительности. Поощрение труда, творчества, предпринимательства.

4. Управление текущими экономическими процессами.

Модернизация, инвестирование, инновационные инициативы.

5. Кризисное управление.

Управление в кризисе и кризисом как необходимая ординарность и потребная необычность.

* * *

Системное перестроение российского хозяйства и экономики, пусть и идущее по извилистой и дискретной линии «от реформизма к постреформизму» — *животрепеющая историческая реальность!* Это уже не пожелание, не прогноз, даже и не задуманный кем-то проект, а текущая действительность, пусть и не особенно четко выраженная, но вовсю уже исполняющаяся. Мягкая мобилизация, под которой надо понимать сосредоточение сил и ресурсов пореформенной страны ради ее неуклонного развития, — исторический факт, которым уже нельзя пренебречь.

Формируется новая Россия с многообразной социохозяйственной явью, в сердцевине которой не стоимость с капиталом, а гибкая, не тоталитарная, демократизированная, национальная по духу и соборная по исполнению *имперская власть* — центрированная, верховная, объемлющая страновое целое и локализованная на местах, в частях и элементах.

Либо Россия — империя, либо никакой России нет!

Не надо следовать не слишком дорогому пропагандизму и поносить империю как заведомое зло. Ни в коем случае! Империя для России, причем империя как внутреннее устройство страны, а не империя-завоевательница (метрополия с колониями) — не просто необходимость, а и ее — России — спасение! Но не только: *это единственная возможность суверенного бытия и целостного развития.*

Важно иметь ввиду, что Россия, базирующаяся на русском многоэтническом мире, не может быть ни Западом, ни Востоком, ни Югом — генетический социокультурный код, он же и архетип, восходящий к вековым глубинам, еще и дохристианским, не позволяет России стать неРоссией. Россия не просто самобытна и самостна, она еще и альтернативна — что Западу, что Востоку, что Югу.

Россия — сама-себе-Россия!

Особенность текущего исторического момента — движение России к самой себе, хотя и во взаимодействии с Западом, Востоком и Югом, не исключаящем и немалого противодействия, острых конфронтаций и даже войн.

Что примечательно: стоило России объявить о своем суверенном и собственном российском бытии, как началось беспрецедентное давление на Россию со стороны передового и вроде бы пока лидирующего на планете Запада,

как и его внутрироссийских адептов, как при защите всего лишь своих национальных интересов и русского мира против России тут же была начата так называемая гибридная (и санкционная тоже) война, хорошо подтвердившая необходимость как раз имперской самоидентификации России.

Российская власть осуществила в стране революционную реформу 1990-х, она же обеспечила стабилизацию страны в алгоритме пореформенной социально-экономической модели, она же теперь реализует, пусть пока и не очень решительно, системное перестроение согласно постреформенной социохозяйственной модели, — и все это происходит, знаете ли, совершенно *по-имперски!*

* * *

Как нами уже было отмечено, Малый университетский форум, посвященный российскому перестроению, прошел в 2009 г. Содержательные результаты его работы были доведены от имени Совета Федерации до высших правительственных кругов, включая администрацию президента страны. Судя по некоторым практическим действиям центральной власти, а еще более по многим ее отрывочным декларациям, позиция Форума была услышана, хотя и не совпала пока еще в полной мере со стратегическим курсом государства. И вот теперь научно-экспертная общественность, объединяемая Центром общественных наук МГУ имени М.В. Ломоносова, вновь ставит вопрос о российском перестроении, акцентируя на его ультрасовременных аспектах, объединяемых почти уже сакральным «НЕО». Инициаторами повторного обращения к актуальной проблематике движет не стремление к получению гранта, в котором, кстати, им уже было отказано по линии РГНФ, а желание, во-первых, адекватно рассмотреть и показать реальность: во-вторых, нацелить действующую власть на реализацию неотложной необходимости; в-третьих, видеть Россию суверенной, развивающейся и процветающей страной, бесцеремонно и надежно овладевшей будущим.

А тут, понимаешь, правительственная «оптимизация» науки, доводящая ее до самоубийства, — не хватит ли?

Литература

1. *Гринберг Р.С.* Российская модернизация: среди шансов и рисков // *Философия хозяйства.* 2010. № 1.

2. *Марков С.А.* Консервативная модернизация: попытка новой модели развития России // *Философия хозяйства.* 2010. № 1.

3. *Нагорный А.А.* Модернизация: США, Китай, Россия // *Философия хозяйства*. 2010. № 1.
4. *Осипов Ю.М.* Неодирижизм плюс неолиберализм равняется экономика современной России // *Философия хозяйства*. 2012. № 2. С. 9–14.
5. *Осипов Ю.М.* Неоиндустриализация: сущность, значение и механизм реализации // *Философия хозяйства*. 2013. № 3(87). С. 283 — 288.
6. *Осипов Ю.М.* Неэкономика как высшая на сегодня историческая форма экономики // *Философия хозяйства*. 2016. № 2. С. 293 — 298.
7. *Осипов Ю.М.* Российское перестроение как неперемнная актуальность // *Философия хозяйства*. 2009. № 6.
8. *Осипов Ю.М.* Россия: призрак неомодернизации (тезисы) // *Философия хозяйства*. 2010. № 5. С. 293 — 299.
9. *Осипов Ю.М.* Экономический гнозис: от заблудшего отвлеченного теоретизирования к адекватному воззрению на реальность // *Философия хозяйства*. 2016. № 2. С. 9— 26.
10. *Осипов Ю. М.* Экономика: реалии и иллюзии // *Экономические стратегии*. — 2016. — № 5(139). — С. 5–184.
11. *Перестроение России / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой: в 2 т. М.; Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010. 358 с., 413 с.*
12. *Починок А.П.* Россия: время прорывного развития // *Философия хозяйства*. 2010. № 1.
13. *Российское перестроение: социум, политика, экономика. По итогам международной научной конференции — V Малого университетского форума, 2—4 декабря 2009 г., г. Москва. М. 2010. 168 с.*
14. *Сорокин Д.Е.* Сценарии посткризисного развития: возможности инновационного перестроения // *Философия хозяйства*. 2010. № 1.
15. *Фурсов А.И.* Россия на выходе из тупика, или Тьма в конце туннеля? // *Философия хозяйства*. 2010. № 1.
16. *Хасбулатов Р.И.* Почему России не «грозит» модернизация? // *Философия хозяйства*. 2010. № 1.
17. *Шулевский Н.Б.* Знание и судьба России // *Философия хозяйства*. 2010. № 1.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Международной научной конференции

«Российское системное перестроение как стратегическая неизбежность: неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм»

8 декабря 2016 г.

Центр общественных наук МГУ (ранее Центр общественных наук при МГУ) не впервой поднимает проблему *российского социоэкономического перестроения*. В 2009 г. Центром была проведена в Московском университете под эгидой Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Международная научная конференция — Малый университетский форум «*Российское перестроение: общество, политика, экономика*» (2—4 декабря 2009 г.), концептуальные и прикладные итоги которой были доведены от имени и через посредство Совета Федерации до высших правительственных кругов и лично Президента Российской Федерации. Сегодня, уже в декабре 2016 г., ровно через семь лет, Центр вновь обращается к актуальной отечественной проблематике, акцентируя внимание на новейших качественных тенденциях мирового социоэкономического развития, обозначенных в теме и документах конференции как «Нео». Подтверждая острую, вполне и стратегического характера, необходимость в российском социоэкономическом системном перестроении, конференция считает возможным декларировать нижеследующее.

1. Революционная социоэкономическая реформа 1990—2000-х гг., проводившаяся под лозунгом возвращения к классической денежно-капитальной конкурентно-рыночной экономике с интеграцией российской экономики в мировую глобализованную среду, привела к возникновению зависимой от мировой глобализованной экономики и ее денежно-финансовой системы фактически уже псевдонациональной российской экономики, концептуально оформленной в виде некой *пореформенной* модели и настойчиво на ее основе и в ее рамках реализуемой.

2. Не имея ничего против самой по себе реформной экономизации (капитализации) российского социоэкономического бытия, его открытия ми-

ровому контексту, конференция, констатируя свершившийся трансформационный факт, выступает за переход от зависимой от глобальных условий и сил *пореформенной* модели хозяйства к суверенной *постреформенной* модели, о чем ученое сообщество, группирующееся вокруг Центра общественных наук МГУ, неоднократно во всеуслышание заявляло, провозглашая и обосновывая при этом курс на *российское системное перестроение*.

3. *Перестроение* — не перестройка, связанная с системным разрушением и фактическим прерыванием нормальной жизнедеятельности странового хозяйственного организма, а селективные структурно-системные перемены, осуществляемые в целом на ходу, хотя и не сходу, не так противореча, как соответствуя общему социохозяйственному развитию. Перестроение — эволюционная, хотя и в интенсивном варианте, переориентация социохозяйственного бытия, обусловленная и сменой модели управления национальным хозяйством: от *пореформенной* модели к *постреформенной*, как раз и преодолевающей недостатки и пороки своей «либеральной»-де предшественницы, весьма при этом, как показывает практика, императивно-дирижистской.

4. «*Пост*» в настоящем случае означает избавление российского хозяйства от параколониальной зависимости от глобального контекста; акцент не на пресловутом «рынке», которого по сути давно уже нет как основного регулятора экономики, а на осознанном и суверенном ведении национального хозяйства посредством разносторонней координации деятельности экономических агентов в масштабе страны и эффективной ориентации социохозяйственной реальности из национального центра с опорой на *национальный государственно-корпоративный комплекс*, призванный решать главные, в особенности стратегического характера, задачи развития.

5. Достижение *постреформенной* модели развития и управления возможно в нынешних условиях планетарного бытия только с учетом главных тенденций современности, собирательно обозначаемых конференцией как «*Нео*». *Нео* — не просто что-то новое, а *принципиально новое*, сочетающееся с отрицанием (преодолением) основного старого (условно, конечно, «старого»). Если сегодня в мире и в России *экономика*, то уже непременно как *нео-экономика* (не «рыночная», к примеру, и не «плановая», не очень-то уже и системная, совсем уж не механическая, даже не организменная, а мобильная, спорая, своевольная, реализующаяся как бы вне времени и пространства, при их практической нуллификации, как вольный, хотя и в целом

управляемый, «сетевой поток»); если сегодня *индустриализация*, то как *неоиндустриализация* (не тяжеловесная, статуйная и грохочущая, а невесомая, тихая, подвижная, даже и вкрадчивая); если сегодня *дирижизм*, то как уже *нео-дирижизм* (не командный по преимуществу, а более всего побудительный, ориентационный, указательный, непременно и «вкрадчивый», хотя коли уж надо, то и решительный, радикальный, непреклонный).

б. *Неоэкономика* — высшая на данный момент *историческая форма экономики вообще*, вполне и *постмодерновая*, когда экономическая реальность виртуализируется настолько, что деньги, финансы и капиталы становятся самостоящими, самодовлеющими и самодвижущимися (самими-себе-причинами), а вся экономика (а это есть не что иное, как однеженное хозяйство) оказывается весьма отчужденной от реальных хозяйственных процессов — *самой-себе-экономикой*, существующей более ради себя и по-своему, а не ради социохозяйственной реальности и ей в услужение, наоборот, экономика довлеет над хозяйственной реальностью, ее кабально (долговым образом) нещадно эксплуатируя. Любой функциональный параметр в неоэкономике может быть произвольно *любим* (та же цена на нефть, к примеру), хотя и *не каким угодно*, ибо он находится в живой сети других столь же произвольных параметров, чье столкновение между собой или же, наоборот, между собой согласие приводят к некоторой воспроизводственной мере, конечно же, подвижной. В силу своей оторванности от реальности, большой самосвободы и внутренней произвольности неоэкономика тяготеет ныне к перманентно кризисному состоянию, становящемуся уже фактической нормой. Неоэкономике уместно сравнить с супербольшим счетно-решающим устройством, типа бескрайнего «мозга», действующим в сфере общественного сознания (ноосфере). Это некое суперсложное, замкнутое на себя, хотя и открытое контексту, информационное поле, распростертое на весь осознанный мир. Не порядок как таковой доминирует в неоэкономике, а некий полупорядок — *хаосмос*, перманентно исходящий из фундаментального хаоса, как и туда же нисходящий, чтобы вновь выйти на свет, никогда и не доходящий до космического порядкового разрешения. Неоэкономика — особая, ранее не бывалая, функциональная среда хозяйствования, требующая к себе адекватного отношения и особого в ней поведения. Не рынок господствует в неоэкономике и не тотальный план, а *управляемая иерархическая сеть*, подчиняющаяся принципу *организации самоорганизации*

ции. Неоэкономика сплошь управляема, но при этом и сплошь самоуправляема — насколько она управляема, настолько и самоуправляема, а в итоге — весьма и самовластна, что вовсе не исключает больших властных управленческих интенций, всегда, впрочем, ограниченных сложностью, масштабностью и самоволием неоэкономики.

7. *Неоиндустриализм* — не просто новый этап индустриализации, а *качественно новый индустриализм*, отрицающий (преодолевающий) весь предшествующий исторически индустриализм. Машины и фабрики все еще остаются, но более всего уже как «умные», самоорганизующиеся машины и как «стерильные», подвижные, комфортабельные фабрики. Электроника, автоматика, информатика, компьютерика, высокая технологика, хим-, био- и нанотехнологика в сочетании с высочайшей производительностью, постоянным новаторством, общим динамизмом, непрерывной изменчивостью, систематическим обновлением и совершенствованием.

8. *Неодирижизм* — макроуправление из центра (центров), но при этом как бы не из центра (центров) и как бы... *без управления*. Парадоксально, но факт! Не планирование, тем более уж всего и вся, а *стратегирование* (стратегические предвидения и расчеты), способное к учету объективных перемен, к восприятию субъективных управленческих воздействий и к собственной переменчивости. Управление тут по преимуществу не агентами, тем более директивное, хотя это иной раз и необходимо, а управление сознанием агентов, их решениями и поведением, равным образом управление средой и происходящими в реальности процессами, а также важнейшими параметрами с приоритетным вниманием к денежно-финансовым, инновационным, высокотехнологичным сферам. Наличие ведущего в любой большой стране хозяйствующего *государственно-корпоративного комплекса*, как и достижение и культивирование *национального координационного согласия* в мире агентов по ряду опорных и судьбоносных моментов, что не исключает ни свободы хозяйствования агентов, ни конкуренции между ними, ни автономной (собственной) динамики параметров. Побуждение тут вместо команды, договор вместо приказа, стимулирование вместо администрирования, согласие вместо соперничества, единение вместо разборок.

9. Российская хозяйственная практика текущего времени показывает, что, во-первых, социохозяйственное перестроение в стране уже имеет

место, разумеется, не очень радикальное, масштабное, активное, в значительной мере и неявное, не афишируемое, ибо базируется оно главным образом на оживлении и развитии ОПК, что исключительно важно, но при этом и недостаточно; во-вторых, такое перестроение идет все еще в рамках и на принципах пореформенной модели при сохранении парализующей внутристрановую инициативу параколониальной зависимости от внешнего глобализованного контекста, в особенности в валютно-финансовой и хайтековской сферах (все равно — импортной ли зависимости или же экспортной); в-третьих, идущее шаг за шагом перестроение не привело пока ни к преодолению энерго-сырьевой специализации страны, полученной от реформы и пореформенно закрепленной, ни к комплексному (целостному) развитию страны, разумеется, с учетом уже существующих на международном уровне специализаций; в-четвертых, правительство, а точнее, его так называемый «экономический блок», исповедуя предельный «экономический либерализм», все еще надеется не только сохранить пореформенную модель, но и еще более ее «либерализовать», уходя от национального управления хозяйством и его развитием, оставляя квазинациональное хозяйство в гуще мирового контекста, обрекая страну на энерго-сырьевую специализацию и зависимость от импорта разнообразной готовой продукции, включая высокотехнологическую; в-пятых, в правительственных кругах все еще бытует убеждение в недореформированности страны и ее хозяйства в «либеральном ключе» и ненужности перехода к постреформенной модели, включающей субъективно-волевою ответственность за национальное хозяйство и сознательное управление им в целях целостного развития страны.

10. Исходя из мирового прогрессивного опыта, особенностей российских социума, культуры, этнонационального сознания и хозяйственного поведения, а также учитывая негативные аспекты и последствия пореформенной практики в современной России, конференция высказывается не только за социохозяйственное перестроение страны, но и за немедленную смену пореформенного курса управления хозяйством и социальными процессами на постреформенный. В связи с этим конференция обращает внимание и на необходимость *внутригосударственного (административного) перестроения* с целью выведения государственно-корпоративного комплекса из пореформенного ступора, а национального хозяйства — из пореформенного тупика.

11. Ясно, что кадры всегда и везде решают всё, как и всё всегда и везде решают кадры! Отсюда опора на новые, вполне уже современные, кадры, не только владеющие компьютерной и англоязычной грамотностью, но и знающие реальную хозяйственную практику. Важно при этом не допускать совершенно неоправданного акцентирования на генетически некомпетентном и фактически вредном «эффективном менеджризме». Примером деятельности последнего, близким к научной и образовательной сферам, является так называемая «оптимизация» науки и образования, проводимая самозванным «эффективным менеджментом», не имеющая никакого конструктивного отношения к «оптимизируемым» объектам и лишь их нагло, надменно и настойчиво убивающая.

12. Безоговорочно поддерживая осуществляемые правящими кругами инициативы по техно-производительному развитию страны, конференция в то же время не может не высказаться за серьезные перемены в концепции и способах реализации национальной социохозяйственной стратегии. Конференция видит в российском государстве *главного хозяйствующего субъекта*, ответственного как за проведенную только что глобалического свойства реформу с ее негативными последствиями, так и за преодоление этих последствий, а также за текущее развитие страны, ее хозяйства, но уже в постреформенном институционально-функциональном формате. Россия — страна не просто государственническая, но еще и империальная (по внутреннему устройству и типу своего жизнеотправления), а потому отрицать первенствующую роль властной вертикали в судьбе страны — вполне смертоносное безумие!

13. Что касается практических рекомендаций, то конференция исходит из того положения, что такого рода изысканиями и разработками должны заниматься сами политико-практические акторы, в чью обязанность входит не только что-то предлагать, но и исполнять предложенное, действуя в рамках утвержденной правительством стратегии. Конференция видит свою главную задачу в концептуальном обосновании актуальных перемен. Конференция не может отказать себе в возможности высказаться в политико-практическом ключе: назревшая смена политико-экономического курса с пореформенного на постреформенный должна сопровождаться переходом к «мягкой мобилизации» конструктивных сил и необходимых ресурсов развития с применением комплексно-перспективных методов организации хозяйственной жизни страны, для чего настала пора припомнить

опыт ГОЭЛРО или тех же первых пятилеток, а потому разработать и применить *среднесрочную программу действий по модернизации реконструкции и развитию российского национального хозяйства* («подъемную пятилетку»), как и сопроводить исполнение данной программы жестким финансово-инвестиционным контролем.

14. Конференция убеждена, что, несмотря на не до конца еще преодоленный пореформенный национальный кризис, Россия уже миновала самый тяжелый и опасный момент в своей новейшей истории и вышла (выходит) на новый исторический подъем. В России идет формирование *новой России* (возможно, даже и *нео-России!*), и на этом пути Россию уже никому не остановить! Да будет!

Приглашение к размышлению и заметкам